

ОН БЫЛ И БУДЕТ (О трагической судьбе ученого-философа Г.Г. Шпета)

"Говорю вам: никаких иллюзий- никому даром ничего не прошло".
В. Шаламов.

В настоящее время Философское общество СССР совместно с Институтом философии АН СССР создали комиссию, чтобы выяснить судьбы, изучить творческое наследие ученых, невинно пострадавших в период репрессий. В рамках этой работы готовится к изданию биографический сборник "Философы - жертвы сталинских репрессий". Одной из таких жертв стал и Густав Густавович Шпет.

Долго я рассматривала тоненькую серую папку "Дело № 12301 по обвинению гражданина Шпета Г. Г.". Наверное, на моем лице выразилось столько недоумения, что сотрудник КГБ, принесший ее и правильно понявший причину такой растерянности, счел нужным заметить: "Они торопились". Торопились? Не сразу дошел смысл сказанного. Ах, да, да... В день было по 5-6 дел, конвейер работал безостановочно, поставляя все новых и новых "врагов народа". Тут и несколько листов; едва успеешь заполнить, чтобы положить их в серую папку и тем самым создать хотя бы видимость законности: некоторые формальности исполнялись все-таки четко. Впору и пожалеть бедных следователей. Уставали. И, наверное, приходя домой, жаловались женам на тяжелую работу. Начальству важны были цифры: чем больше разоблаченных "врагов", тем лучше. Там, наверху, глядишь, поощрят служебное рвение по достоинству. А то, что на смерть, в лагерь отправлялись ни в чем не повинные люди, так это рассказы для гнилой интеллигенции.

Да, как и во всей стране, в Томске тоже был 1937 год, "недобрый, жаркий и чреватый страшным», как назвал в своем романе «Факультет ненужных вещей» бывший узник писатель Ю. Домбровский. Я вспомнила эти слова потому, что чтение "дела" совпало с чтением романа. Тревожный разлад в душе и глубокую мрачную горечь вызывало то и другое. Поразила похожесть ситуации, описываемой Домбровским с тем, что происходило тогда в Томске. Почти один к одному. Впрочем, стоит ли удивляться - подобные ситуации складывались по всей стране. "Дело-то планируется немалое... Профессор, бывшие ссыльные, писатели, троцкисты, военные, убранные из армии, - шпионаж, террор, диверсия, вредительство на стройках", - такие варианты прикидывает следователь в романе. У томских сотрудников НКВД возможности в этом плане, пожалуй, чуть больше - в их распоряжении есть и князья. Правда, тут вышла маленькая осечка. Князь Андрей Волконский, сосланный в Томск (за свое нерабоче-крестьянское происхождение, думается не дожил до «звездного часа, когда НКВД определило его в главари «офицерской кадетско-монархической контрреволюционной повстанческой организации, имевшей своей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания в момент нападения иностранных государств на СССР». Старик умер ещё в 1935 году, но отказаться от этого громкого имени было бы грешно. Шли оглушительные московские процессы, где обвиняемые сознавались в страшных преступлениях против Советской власти, не отставали и другие города, чем же Томск хуже?

Пусть и посмертно, но новый титул - главара "контрреволюционной шайки" Волконский, уже призванный небесами, получил. Ну, а на земле его заменили бывшими дворянами, офицерами, профессорами, нашелся и еще один князь - Н. А. Ширинский-Шихматов. Назову и остальных из тех, кто никогда не создавал этой мифической организации, но кто постановлением "тройки" НКВД в 1937 году был расстрелян именно за это, - М. А. Эскин, В. С. Михайлов, М. М. Долгоруков, Н. Г. Пироцкий, Г. Л. Левицкий-Щербина, М. А. Слободской. Дела их всех была пересмотрены еще в 1956- 1960 гг. и

прекращены за отсутствием состава преступления. Материалы следствия 1937 года были признаны фальсифицированными.

Пусть не покажется читателю, что я отвлеклась от основного рассказа. Ведь профессор Густав Густавович Шпет был причислен к этой организации и избощичался бдительными органами как отпетый враг власти, «имевший целью свергнуть ее путем вооруженного восстания».

Сегодня бредовая логика этого его дела очевидна.

Но сначала немного о том, кто такой Шпет. Ведь его имя только возвращается к нам из сталинских застенков, из того небытия, на которое его пытались обречь палачи. В 20-30-е годы - это известный ученый, внесший значительный вклад в отечественную философию, психологию, эстетику и языковедение. То, что он сделал в те годы, призвано было стать новым словом в науке. Им высказано немало оригинальных идей. Число его работ превысило три десятка, из них более 10 книг. Шпет так же плодотворно занимался переводами с немецкого, английского, французского, итальянского и польского языков. По утверждению его жены (в письме к Сталину, о котором речь пойдет ниже), он знал 19 языков. Его называли блестящим лектором, исключительным организатором. Вполне удачно, несмотря на политические грехи молодости, складывалась его карьера и до революции. В 1916 году он был избран профессором Высших женских курсов и доцентом Московского университета. С 1918 г. - профессор университета. Пожалуй, с 1927 г. идеологическая благонадежность научной позиции Г.Г. Шпета ставится под сомнение. Его подвергают резкой критике, но те времена для интеллигенции ещё идиллические. До 1937 года ещё несколько лет. Пока же Шпет после «чистки» в Государственной Академии художеств, где он тогда трудился, лишен возможности заниматься наукой, написанные им к тому времени работы остались неопубликованными. Его объявляют главным тормозом научной и художественной культуры, обвиняют в том, что он создал в Академии «цитадель идеализма». О мытарствах ученого в те годы сообщает в журнале «Вопросы философии» Е. П. Пастернак. Кстати, он пишет и о том, что когда-то одним из учеников Шпета был Борис Пастернак. Автор этой небольшой статьи, названной «Памяти Густава Густавовича Шпета», приводит и выдержки из оправдательного письма ученого в высокие инстанции. «Я прожил жизнь суровую,- пишет Г. Г. Шпет в 1930 году,- От уличного, почти нищего мальчишки через революционную школу и до Профессора университета при старом режиме путь лежал нелегкий. И смею утверждать, что для ученого я сделал больше, чем требовалось по средней мерке профессора...

Два года назад я еще работал полным темпом, хотя до того никогда не знал ни каникул, ни домов отдыха, ни отпусков для отдыха, а мне было уже 49 лет... И вот сегодня, когда я поставлен перед угрозой «не иметь возможности принести на ужин картошку моим собственным детям, я все-таки говорю: не верю, чтобы остатки моих сил не могли найти применение в вашей стране, не верю. чтобы здесь, в центре советской культуры, где бесконечна потребность в звании и культуре, мои знания и культура были бы объективно бесполезны и ненужны».

Результаты всех просьб мизерны. Шпету разрешено заниматься лишь переводами. А в 1935 году, в ночь с 14 на 15 марта его арестовывают, обвинение в контрреволюционной деятельности. По собственным словам Шпета, ему сначала ставилось в вину то, что он принимал участие в редактировании немецко-русского словаря, том первый которого вышел "под редакторством лиц, сочувственно настроенных к фашистскому Германию». Дальше - больше. Теперь уже его обвиняют в руководстве группой «контрреволюционно» настроенных ученых. До 1937-го – ещё два года...И Шпета ссылают на 5 лет в Сибирь, сначала в Енисейск, но затем по ходатайству актеров МХАТа он был переведен в Томск. Какая тут связь с театром? Дело в том, что ученый занимался широким аспектом проблем эстетики, а театру уделял особое внимание. Собственно, и мое знакомство с ним началось со случайно обнаруженной в том же журнале «Вопросы философии» статьи ученого «Театр как искусство». Отсюда и возник дальнейший интерес, приведший в архивы КГБ.

Шпет был даже членом художественного совета МХАТа (об этом сообщает А. Митюшин), готовил для Малого театра сценический вариант текста «Юлия Цезаря» Шекспира, переводил «Даму с камелиями» Дюма для постановки в Государственном театре им. Мейерхольда. Кстати, Мейерхольд привлек ученого для участия в репетициях, обращался к нему за советами.

О том, что Шпет пользовался большим уважением в артистической среде, свидетельствует и это письмо: “Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович! ...Мы сознаем всю ответственность нашего обращения к Вам, но мы беспокоим Вас просьбою не только о близком и дорогом нам человеке, — мы считали бы недостойным малодушием не указать Вам на возможную ошибку, допущенную по отношению к человеку, которого мы считаем честным советским гражданином и который своими исключительными знаниями может быть чрезвычайно полезен нашей Родине. Г. Г. Шпет-один из лучших специалистов по Шекспиру, знает 19 языков, был кандидатом в Академию наук, большой и тонкий знаток театрального искусства. Мы сами и покойный Станиславский неоднократно прибегали к его советам. Обеспокоенные тем, что его семья до сих пор не знает, жив ли он, мы решаемся обратиться к Вам с величайшей просьбой о разрешении переписки, о срочном расследовании дела Г. Г. Шпета и, если это возможно, о полной реабилитации его. Народный артист СССР В. Качалов”.

Это письмо написано в 1938 году. Семья ученого уже успела получить сообщение о том, что Шпет осужден на десять лет “без права переписки”. Теперь-то мы знаем, что - “без права переписка” - зловещий синоним расстрела. В материалах Пастернака, Митюшина, на которые я уже ссылаюсь, указываются годы жизни Густава Густавовича - 1979 -1940. Но это не так. “В 1937 году Шпет был арестован в Томске и сослан в лагерь, из которого уже не вернулся”, - пишут они. Архивные документы из той самой серой тонкой папки свидетельствуют: дело № 12301 начато 27 октября 1837 года, окончено 2 ноября этого же года. Выписка из протокола заседания “тройки” НКВД, где после “слушали... и постановили” короткое слово: расстрелять. Выписка из акта: “Постановление -“тройки” НКВД от 9 ноября о расстреле Шпета приведено в исполнение 16 ноября». Всего 19 дней с момента ареста до гибели. И всего 4 дня следствия. Какие уж тут доказательства вины, ими себя не обременяли.

Они торопились. Наверное, хотели, чтобы томский «заговор» был самый- самый. И шли повальные аресты, число «кадетов -монархистов» росло с каждым днем.

- Сколько было привлечено людей по этому делу?- спрашиваю у следователя КГБ Александра Владиславовича Воцинина, занимающегося реабилитацией незаконно репрессированных лиц- ответственным нелегким трудом.

— Точную цифру назвать невозможно. Могу оказать только одно - много. Происходило это ведь нередко так: арестованному предлагали назвать своих знакомых, родственников, что он и делал, часто ни о чем не подозревая. Дальше дело техники - всех названных зачисляли в контрреволюционеры. Сеть расширялась, ведь врагов требовалось как можно больше. Где спрос, там и предложение.

Множество дел прошло сегодня через руки следователей управления КГБ, десяткам людей возвращено их доброе имя, увы, обычно посмертно — редко кому из “заговорщиков” удавалось вырваться из лап смерти. Если не расстреляли, то гибли они в жутких условиях лагерей. Но и мертвым нужна правда, а более всего нужна она нам, живым,

Спросила у Александра Владиславовича и о справке на арест “административно-ссылного Шпета”, показала мне эта справка какой-то филькиной грамотой. Неужели достаточно было ее, чтобы арестовать человека? Оказывается, справка была унифицированная. Ее ввел бывший тогда начальником Томского отдела НКВД

Овчинников. Для простоты. На каждой уже заранее стояла подпись прокурора, словом, и “санкционирую” и “утверждаю”. По ней в Томске можно было арестовать любого, только фамилию внеси, даже повода не нужно было для ареста, не говоря о причине. Надо оказать, что Овчинников в борьбе с “врагами народа” отличался особым рвением, да таким, что сам был арестован наконец и в 1941 году приговорен к высшей мере наказания. В вину ему вменялось грубое нарушение социалистической законности, массовые необоснованные аресты, незаконные методы допросов, то, что «ориентировал следователей на получение от арестованных любыми методами признаний», и то самое ведение 5-6 дел в день. Об этом конце Овчинникова и вычитала в справке по его архивному делу.

А в деле Шпета подметила, что любил Овчинников делать размашистые пометки, роспись красным карандашом. Или знал о привычке главного палача, или привычки у палачей сходятся?

Беседы с сотрудниками КГБ (надо сказать, что помогали мне в исследовании архива много, охотно, с искренней заинтересованностью. Сегодня здесь немало делают, чтобы восстановить справедливость) прояснили и другие моменты, то, что оставалось скрытым. Признаюсь, очень хотелось, читая протокол допроса обнаружить стойкость и мужество ученого, умное и достойное парирование нелепых обвинений. Теперь совестно за собственную наивную жестокость. Не имеем мы права, сами не пережив ада крошечного (слава богу!), судить и обвинять их за слабость. Как говорила с гневом Анна Ахматова: нас там не стояло. Нельзя требовать от человека, чтобы он вынес невыносимое. Помните, в “Слепящей тьме” Кестлера следователь поистине монстр Глеткин уверен, что любого можно “раздавить морально и физически”. И давили.

Не буду приводить выдержки из протокола допроса, скажу только, что в “деле” он один и можно только догадываться да какого морального и физического состояния был доведен человек, способный подписать столь чудовищные и поразительно глупые и несостоятельные обвинения в свой адрес. По сути, по тем временам подписать себе смертный приговор. Не удивляют больше и полуграмотные ответы европейски образованного арестанта, блестящего эрудита на такие же полуграмотные вопросы следователя - протоколы писались заранее. Не делаю открытия - общеизвестный факт. Поставлен нужный вопрос - и написан сразу же нужный ответ. Теперь дело за подписью. Как ее получить – на это были инструкции Овчинникова. Нет, все-таки решусь процитировать финальную часть, где следователь спрашивает: “Какую контрреволюционную деятельность вы лично проводили?”

Шпет: - я проводил контрреволюционную агитацию среди рабочих и служащих ТГУ, я резко выступая против стахановского движения... Среди участников организации я высказывал террористические настроения против руководителей партии и правительства... Кроме того... я среди студентов систематически проводил фашистскую агитацию, выставлял (!) политику Гитлера и Муссолини и при каждом удобном моменте протаскивало монархические идеи. Наряду с этим я распространяя контрреволюционную пораженческую агитацию среди населения Томска...

Следователь: - Какую роль вы должны были выполнять в момент восстания?

Шпет: - В момент восстания я как профессор должен был организовать выпуск повстанческой литературы и в районе, занятом повстанцами, развернуть широкую контрреволюционную повстанческую агитацию”.

На этом допрос окончен. Внизу стоит слабая кривая подпись арестанта «Шпет» и широкая уверенная следователя - “Казанцев”. Он мог быть доволен работой: еще одному расчистил путь к плахе. И никаких фактов этой самой контрреволюционной деятельности, и никаких доказательств. Впрочем, в “материале, избобличающем обвиняемого”, есть еще два протокола допроса “подельников” Шпета - М. А. Петровского А. А. Азарко (ныне тоже реабилитированных). Петровский - ученый, знакомый Шпета

еще по Москве, член его " группы", тоже сосланный в Томск на 5 лет. В показаниях Петровского есть фамилия Зуккау, немца, значит, по мнению следователя, фашиста. И Петровского тоже обвиняют в том, что он русский фашист и "связан с одним из руководителей русского национал- фашистского центра за границей князем Н.С. Трубецким, от которого получил программный документ русских фашистов - книгу Трубецкого " К проблемам русского самодержавия". Петровский считался главным свидетелем по уличению Шпета. Вот какие слова ему приписываются: "мы часто собирались у себя на квартире и обсуждали вопросы явно контрреволюционного характера... Кроме этого, высказывали свою озлобленность на Советскую власть... Наконец, я не брезговал призывами к террористическим настроениям против руководства". Заметим, словесные формулировки одинаковы. В 1935 году Шпету инкриминировалось, что он организовал "группу", куда вовлек и Петровского. На этот раз Петровский сообщает о вербовке несчастного Шпета. Стоит познакомиться и с протоколом допроса Азарко. Это бывший крестьянин, сосланный в Томок, теперь возница в ресторане, тоже участник "офицерско-монархической" (организация в устах разных следователей и называлась по-разному). Допросы-вопросы и ответы - поразительно похожи, везде "встречались и проводили контрреволюционные разговоры". Азарко тоже называет имя Шпета. Кстати, и он сам "проводит контрреволюционную агитацию среди посетителей ресторана, ругая стахановское движение. Шли выборы, и Азарко предлагал оставлять списки совершенно чистыми" и на списках писать "контрреволюционные размышления на руководителей Советской власти". А как же диверсии, как без них? Видно, в Томске с этим было похуже, если пришлось того же Азарко причислить к диверсантам: якобы, по заданию организации он вместе с кулаком Колосовым поджег материальный оклад ресторана и тот частично сгорел. Увы, это не смешно, за этим стоят расстрелы.

Вот такие страшные документы эпохи. Как и это письмо, полное боли, отчаянной мольбы, тоже по-своему страшное письмо Надежды Константиновны Шпет к "дорогому Иосифу Виссарионовичу": "Я долго колебалась, имею ли я право на Ваше внимание, и пришла к заключению, что имею. ...Почувствуйте в моих словах правду. Я отвечаю за него и за каждое мое слово! Он был и будет верен Советской власти, и он нужен нашей стране. Я знаю, что Вам не безразлична участь каждого гражданина, и очень прошу Вас помочь мне в моих попытках восстановить справедливость, дать Густаву Густавовичу работать и вернуть его в семью (у него 5 человек детей и 4 внука), к нормальным условиям жизни как можно скорее, так как здоровье его в очень плохом состоянии и я очень боюсь за его жизнь". В письме немало пометок, сделанных цветными карандашами теми, кто их читал. В последнем предложении, начиная от слова "здоровье", идет черная жирная черта: бояться за здоровье и жизнь, увы, нечего. Шпета нет в живых уже более года. Есть еще одно подчеркивание, о котором не могу ее упомянуть: "С 27 октября ничего о нем не знаю и лишена возможности передать ему челюсти, без которых при язве желудка ему трудно обходиться ". Подчеркнуто красным упоминание о челюсти и желудке, тут, наверное, следователю было весело.

Надо сказать, что по жалобе жены дело Шпета в 1940 г. допрашиваются члены семьи В.Л. Виленчика, у которого жил ученый в Томске по адресу: пер. Колпашевский, 2, знакомый Шпета по Томску профессор Карташов. Виленчики говорят о том, что Шпет вел замкнутый образ жизни, почти никуда не выходил, много работал, у него, кроме врача, никто не бывал, " враждебных" разговоров не вел, в учреждениях не работал (это, кстати, подтверждает и имеющаяся, полученная в 1940 г. справка из ТГУ. В протоколах же допроса записано, что Шпет работал в университете, агитируя студентов и сотрудников. видимо, даже это не удосужились проверить). Достоинство ведет себя профессор Карташов (его имя носит улица в Томске). Хотя вызов в НКВД ничего хорошего не сулит, он не боится сказать о "враге народа", что тот большой ученый и произвел на него "большое впечатление знаниями". И снова - никаких враждебных высказываний. Впрочем,

расследование ведется формально, вывод, как и следовало ожидать, такой: в пересмотре дела отказать. Не раз еще обращалась Надежда Константиновна с просьбой о пересмотре его дела и только в 1956 году имя Густава Густавовича Шпета было реабилитировано. Но только сегодня он возвращается к нам как ученый.

Необоснованные репрессии”, “посмертная реабилитация” - эти слова не абстрактные понятия, не просто словесные клише. Во всяком случае, они не должны быть такими для нас. Кто же мы, что же мы за народ, почему все это происходило? Полного ответа пока нет, во всем этом мы еще пытаемся разобраться. Как жить дальше, не поняв? “Я знаю, никакой моей вины... А все же, все же...”. Кому-то хочется забыть, дескать, что было, то прошло, кто-то говорит: хватит, надоело уже о сплошных застенках. Вот и при подготовке этого материала я слышала такое мнение. “А совесть? Мертвые, ведь тоже не молчат, они взывают, просят, требуют... “Сложите книги кострами, пляшите в их радостном свете, творите мерзость во храме, - во всем неповинны как дети!” Согласиться с этим? Покаяние - опыт христианский, а не языческий. И дело, наверное, не в поиске отдельных виновников, а в той главной первопричине; почему была утрачена возможность жить “чисто и прямо”. Ответственность лежит и на идее, что путем насилия и подавления свободы можно устроить царство добра и справедливости. Одни соблазнились ее ложной сутью и тем самым внесли определенную лепту в процесс деформации общественного сознания. Вспомним хотя бы литературу 20 -30-х годов (естественно, не вся была такая), когда романтизировались насилие, “огонь, веревка, пуля и топор”. Другим был по душе разгул революционной нетерпимости.

Реальность смеялась над логикой вещей.

Заглянем в дневниковую запись В. Г. Короленко, в которой он, прочитав заметку в Киевских “Известиях” о том, что надо быть беспощадными к тем, кто принадлежит к классу эксплуататоров, ведь “если обстоятельства повернутся к нам спиной, то вышеуказанный индивидум вонзит нам нож в спину”. “Это чудовищное рассуждение,- пишет Короленко,- ставящее на место объективных признаков преступления психологию и чтение в сердцах...” Да, нередко этого было достаточно, чтобы зачислить человека “врагом”. Хорошим начинает считаться то, что политически необходимо считать хорошим, насаждается единомыслие. Все, кто мог посеять хоть толику сомнения (даже предположительно) в “великих целях”, начинают исчезать в лагерях. Общество, объявившее себя новым, категорически не принимало ни развитие традиций, ни инакомыслия, связи рвались беспощадно. Культура подменялась культом. Отнималась интеллектуальная свобода. Разве могла быть иной в такой обстановке судьба Г.Г. Шпета, не пожелавшего сделать любимую науку простой служанкой структуры? Как и Флоренскому, Лосеву, многим тысячам других место ему было в лучшем случае за колючей проволокой лагерей.

Жизнь каждого человека бесценна и незаменима. Но талантливого - незаменима и бесценна вдвойне. Понесенные нами человеческие потери, составляющие и без того чрезвычайно тонкий озоновый слой духовности, интеллекта, культуры, который и при нормальном-то государственном устройстве берегут, лелеют и холят, трудно восполним. И это будет трагически долго отзываться в поколениях. Да, ничто не проходит бесследно, когда ненормальное становится нормой, абсурд - бытом. Что же удивляться нынешнему положению нашего общества - экономическому, нравственному. Народ был лишен многих духовных пастырей, лучшие умы или истреблялись, или работали на лесоповале, а малограмотные невежды нередко заправляла делами на свободе. Милосердие, доброта, честь, свобода были когда-то отменены, как признаки нелегкие раздумья. Не из тех ли лет берут истоки многие нынешние так называемые негативные явления? Почва ведь была хороша удобрена. Затяжное беспросветное состояние способно разрушить в человеке нравственные преграды и барьеры. Когда-то в России не могли найти палача, чтобы казнить пятерых декабристов. В 30-х годах XX столетия поиском себя уже не обременяли.

Сколько по России-матушке было таких подвалов, где унижение личности, чудовищные пытки, убийства стали просто работой. Казнили тысячами. Дело, впрочем, не в цифрах. Там, где оправдывается смерть хотя бы одного невинного, могут быть и многотысячные жертвы - жизнь обесценивается. И страшно это не только физическим истреблением, но и цепной реакцией духовного распада. Но любая тирания обречена. И ничего, кроме горя и трагических последствий, она не приносит. По словам того же Бухарина, расстрелы - метод выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи. И он сам стал заложником аморальности подобного утверждения, и его жизнь была брошена на кровавый алтарь. Лучшие изменения - те, которые происходят от улучшения нравов. Трудно не присоединиться к этой пушкинской мысли.

Нравственно выпрямляется наше общество, бесстрашно и честно признавшее свои долги и перед живыми, и перед мертвыми.

...Прихожу на улицу, откуда 27 октября 1937 года начался путь на Голгофу Г.Г. Шпета, чье имя сегодня возвращено из сталинских застенков. О чем он думал, живя в Томске, о чем писал в своих письмах родным и близким, признавал ли себя арестантом или дух его был свободен и в мыслях он оставался ученым, исследователем? Скорей всего, это было так, ведь известно, что Шпет в ссылке много работал, переводил Гегеля. Это помогало ему жить, признавать себя человеком. И мне кажется символичным, что его последней работой была гегелевская "Философия духа".

Н. Маскина. «Красное знамя» 4 июня 1989 г.